

Кобяковские памятники в низовьях Дона: проблемы появления и исчезновения

Резюме. В статье рассматриваются проблемы возникновения группы кобяковских памятников на Нижнем Дону, ее истории и исчезновения. Северокавказские истоки кобяковской культуры в Подонье подтверждаются, с одной стороны, наличием однокультурных памятников в Закубанье (Красногвардейское I и Красногвардейское II), а с другой стороны, явной чужеродностью этой культуры автохтонным памятникам степи. О традиционных связях донских кобяковцев с Северным Кавказом свидетельствует серия артефактов: прикубанский серп, наконечники кавказского типа, бронзовые украшения, «бомбовидные» сосуды и т. д.

Ключевые слова: Нижний Дон, Закубанье, кобяковская культура, кобанская культура, отрадненская культура, срубная культура, миграции.

Potapov V. V. Kobyakovo culture sites in the Lower Don region: the problems of their appearance and disappearance.

The paper is devoted to the history of the Kobyakovo culture sites in the Lower Don region and problems of their appearance and disappearance. The North Caucasian origin of the Kobyakovo culture in the Don region is confirmed by both the presence of similar sites in the Kuban region and the absence of local predecessors. The contacts of the Don Kobyakovo people with the Northern Caucasus are evidenced by rather numerous finds, including a sickle of the Kuban type, Caucasian type arrowheads, bronze adornments, «bomb-shaped» vessels, etc.

Keywords: Lower Don, Trans-Kuban, Kobyakovo culture, Koban culture, Otradnoe culture, Srubnaya culture, migrations.

Среди немногочисленных памятников заключительного периода эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону особое место занимают поселения и погребения кобяковской культуры. Эти памятники, расположенные на высоком правом коренном берегу р. Дон и его протоки Мертвый Донец, представлены четырьмя поселениями¹: Кобяково, Нижнегниловское, Хапровское, Сафьяново, исследовавшимися вплоть до 1970 г. Итогом этих исследований стала монография Э. С. Шарафутдиновой (Шарафутдинова 1980), содержащая максимально полный анализ и интерпретацию этих памятников. В конце минувшего и в начале нынешнего столетий в низовьях Дона были осуществлены новые раскопки кобяковских памятников, материал которых позволил по-новому взглянуть на ряд проблем в изучении кобяковской культуры. Были выявлены 26 погребений Кобяковского грунтового некрополя, которые позволили охарактеризовать

¹ Кроме того, о находках кобяковской керамики при раскопках Елизаветовского городища сообщала Т. Н. Книпович (Книпович 1934б: 167–174, рис. 49–50).

погребальный обряд культуры и подтвердить ее оригинальность для рассматриваемого региона. В 2003 г. были проведены новые, весьма результативные раскопки на двух кобяковских поселениях — Хапровском и Нижнегниловском. К сожалению, результаты этих работ пока представлены только в тезисных публикациях (Ларенок В., Потапов 2001: 24–26; Ларенок П., Потапов 2004: 141–146) и кратких информационных сообщениях (Копылов 2004: 118, рис. 1: 7–16; 2: 2).

В настоящей статье с учетом новых, пока неопубликованных данных рассматриваются некоторые узловые проблемы изучения кобяковской культуры и намечаются направления их решения. Эта работа предваряет планируемое автором и его коллегами монографическое исследование, где будут обобщены и изданы как новые материалы, полученные в последние годы, так и наиболее важные материалы из раскопок прежних лет.

*
* *

Вопрос о происхождении, культурной и хронологической атрибуции памятников кобяковского типа встает перед исследователями с самого начала их регулярного изучения. А. А. Миллер, выделивший два слоя — Кобяково I и Кобяково II, отнес их в основном к эпохе поздней бронзы, допустив их связь с катакомбной и майкопской культурами (Миллер 1926: 125–142; Миллер 1929: 76–79), а В. А. Городцов атрибутировал эти памятники как киммерийские (Городцов 1940: 3–4). По мнению О. А. Кривцовой-Граковой, близость поселений Кобяково и Нижнегниловское, отнесенных ею к кобяковскому варианту позднейшей срубной культуры, к некоторым крымским поселениям (Кривцова-Гракова 1955: 99–109, рис. 25)² позволяет «причислить культуру Кобякова городища к киммерийской культуре Крыма <...>» (Кривцова-Гракова 1955: 160). А. М. Лесков, указывая на сходство белозерских (срубных в основе) и кобяковских форм и орнаментации кухонной и морфологии столовой посуды, также считал их киммерийскими (Лесков 1975: 58–61), подчеркивая, что формирование их связано с прикубанскими срубными племенами. И О. А. Кривцова-Гракова, и А. М. Лесков датировали эти памятники той эпохой, которую сейчас мы называем финальной бронзой, но и тогда существовали другие взгляды на хронологию этих поселений. Т. Н. Книпович, исходя из находок на Елизаветовском городище керамики кобяковского облика, считала, что Кобяково доживает до раннескифского времени (Книпович 1934а: 107–108). А. А. Иессен, основываясь на находке в слое Кобяково ионийского черепка, полагал, что верхняя граница культуры Кобяково II уходит в V в. до н. э. (Иессен 1947: 78).

Итог многолетних исследований кобяковских поселений в 50–60-е годы XX в. был подведен в работе Э. С. Шарафутдиновой (Шарафутдинова 1980). Своеобразные топография поселений, постройки, морфология и орнаментация глиняной посуды позволили исследовательнице выделить поселения типа Кобяково в отдельную кобяковскую культуру, локализованную узкой полосой вдоль правого берега Дона. Э. С. Шарафутдинова доказывала ее неместные,

² Эти поселения, на самом деле, принадлежат к группе памятников каменско-ливенцовской группы заключительного периода эпохи средней бронзы (Братченко 2006: 186–208).

северокавказские истоки, предполагая расселение кобяковцев из Прикубанья (Шарафутдинова 1971: 16–17). Позднее, ссылаясь на керамику кобяковского облика, происходящую из поселения Красногвардейское I на левобережье Кубани, она уже уверенно называет Закубанье родиной донских кобяковцев, которые в процессе переселения восприняли кухонную керамику «белозерско-ивановского» типа (Шарафутдинова 1980: 68–69). Междуречье Дона и Кубани исследовательница уверенно включает в ареал распространения культуры, несмотря на отсутствие там кобяковских памятников.

Подтверждению гипотезы о закубанском происхождении кобяковской культуры в немалой степени способствовало не только изучение материалов поселения Красногвардейское I (Анфимов, Шарафутдинова 1982: 39–48; Шарафутдинова 1991а: 79–80, рис. 4), но и исследование нижнего слоя поселения Красногвардейское II (Шарафутдинова 1989: 46–73, 1991а: 70–91), которые Э. С. Шарафутдинова отнесла к кобяковской культуре. Э. С. Шарафутдинова уточняет, что кобяковская культура представлена двумя группами поселений в дельте Дона и на левобережье Кубани (Шарафутдинова 1989: 57) (рис. 1). Вместе с тем остается неясным ареал культуры, культурное соотношение этих групп. Остались скрытыми причины и характер переселения кобяковцев на Дон.

*
**

Можно суммировать черты сходства обеих групп — нижнедонской и закубанской, касающиеся, в основном, керамики. Во-первых, совпадают типологически и морфологически многие формы посуды. Несмотря на то что керамика закубанских поселений фрагментирована и далеко не всегда может быть типологизирована, здесь выделяются те же категории посуды — столовая и кухонная (Шарафутдинова 1989: 48–50). Их соотношение практически совпадает с коллекцией из Кобяково, но несколько отличается от нижнегниловской, где процент кухонной посуды заметно выше, и от хапровской (раскоп 2003 г.), где доля ее меньше.

Среди горшков на поселениях Закубанья имеются соответствия варианту горшков с покатыми (Шарафутдинова 1980: 47, 1989: рис. 2: 1, 1991а: рис. 4: 5) (рис. 2: 1–2, 5–8) и выпуклыми (Шарафутдинова 1989: рис. 2: 4) (рис. 2: 3, 9–12) плечиками, «бесшейным» сосудам (Шарафутдинова 1991а: рис. 4: 3) (рис. 2: 4, 13–14).

Типы столовой керамики (Шарафутдинова 1989: 49–50, рис. 3: 4) аналогичны нижнедонским (Шарафутдинова 1980: 48–53) (рис. 1: 15–31). В Красногвардейском II присутствует миниатюрный чашевидный толстостенный черпак (Шарафутдинова 1991а: рис. 5: 11), близкий находкам из раскопок 2003 г. на Хапрах (Ларенок П., Потапов 2004: 143, рис. 2: 2) (рис. 2: 35–36) и Нижнегниловском. Кроме того, как в коллекциях последних раскопок на Дону, так и среди материалов закубанских поселений присутствуют «ленточные» ручки от черпаков (Шарафутдинова 1989: 13, 16)³ (рис. 2: 34, 37–39).

³ Э. С. Шарафутдинова затруднялась определить происхождение черпаков в кобяковских памятниках Нижнего Дона, допуская в равной мере их степное/лесостепное или

Рис. 1. Памятники отрадненской (а) и кобяковской (б) культур.

Fig. 1. Otradnoe culture sites (a) and Kobyakovo culture sites (b).

Во-вторых, сходство глиняной посуды обнаруживается не только в ее типологии и морфологии, но и в орнаментации. Закубанские горшки, как и нижнедонские, изредка орнаментировались валиками, преимущественно, гладкими (рис. 2: 1, 4, 6, 12, 45–52), коническими налепами (рис. 2: 41, 53–60), из мотивов углубленного орнамента сравнительно широко была распространена горизонтальная «елочка» (Шарафутдинова 1980: 47–48, 1989: 49) (рис. 2: 10, 61–64). В обеих группах присутствует орнаментация столовой посуды врезными линиями (рис. 2: 15, 21, 44, 82–89), зубчатым штампом (рис. 2: 16–18, 26, 74–81) и достаточно редким в эту эпоху оттиском веревочки (Шарафутдинова 1980: 49, 51–52, 1989: 49) (рис. 2: 19, 26, 65–73). Близки и мотивы орнаментации — в обоих случаях распространены композиции с заштрихованными треугольниками, направленными, как правило, вершинами вниз (рис. 2: 15–17, 19, 21, 44, 65–67, 70–71, 73, 82, 85–86, 89), и прямыми и зигзагообразными заштрихованными полосами (рис. 2: 44, 85).

северокавказское (кобанское) происхождение (Шарафутдинова 1980: 67). Эта неопределенность была обусловлена слабой репрезентативностью этой категории находок. Раскопки кобяковских поселений в 2004 г. (Копылов 2004: 114–119; Ларенок П., Потапов 2004: 141–146) заметно пополнили коллекцию кобяковской керамики, в том числе и черлаков, что дало возможность уверенно говорить об их связи с прикубанскими (Ларенок П., Потапов 2004: 143; Потапов 2010: 21).

РАСШИРЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА

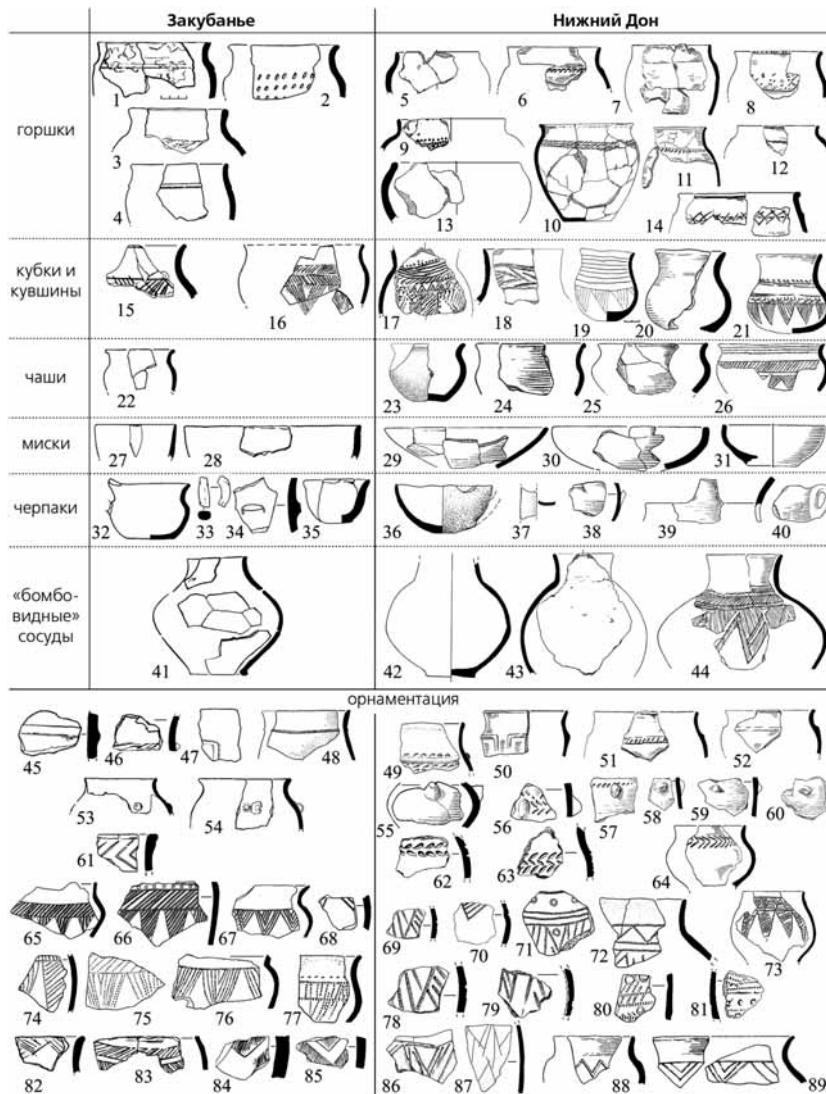

Рис. 2. Керамика закубанского и нижнедонского вариантов кобяковской культуры. 1, 4, 15–16, 22, 27–28, 33–35, 41, 45–46, 53–54, 61, 68, 82–85 — Красногвардейское II (по Шарафутдинова 1989, 1991); 2–3, 32, 47–48, 65–67, 74–77 — Красногвардейское I (по Анфимов, Шарафутдинова 1982; Шарафутдинова 1989, 1991); 5, 9–10, 13, 17–19, 23, 36–37, 39–40, 42–43, 49, 62–63, 69, 70–72, 78–79, 81, 86–87 — Хапры (раскопки 2003 г.); 6–8, 11–12, 14, 20–21, 24–25, 29–31, 44, 50–52, 55, 57–60, 64, 73, 80, 88–89 — Кобяково; 26, 38, 56, 80 — Нижнегниловское (по Шарафутдинова 1980).

Fig. 2. Pottery of the Trans-Kuban and Lower Don variants of the Kobryakovo culture. 1, 4, 15–16, 22, 27–28, 33–35, 41, 45–46, 53–54, 61, 68, 82–85 — Krasnogvardeyskoe II (after Шарафутдинова 1989, 1991); 2–3, 32, 47–48, 65–67, 74–77 — Krasnogvardeyskoe I (after Анфимов, Шарафутдинова 1982; Шарафутдинова 1989, 1991); 5, 9–10, 13, 17–19, 23, 36–37, 39–40, 42–43, 49, 62–63, 69, 70–72, 78–79, 81, 86–87 — Khapry (2003 excavations); 6–8, 11–12, 14, 20–21, 24–25, 29–31, 44, 50–52, 55, 57–60, 64, 73, 80, 88–89 — Kobryakovo; 26, 38, 56, 80 — Nizhnegnilovskoe (after Шарафутдинова 1980).

Э. С. Шарафутдинова указывает и на особенности закубанских памятников: доминирование орнаментации керамики зубчатым штампом, обмазка некоторых кухонных форм жидкой глиной, наличие кремневых вкладышей серпов и др. (Шарафутдинова 1989: 57–58, 1991а: 82, 84). Однако такой прием, как обмазка сосудов жидкой глиной, отмечен на некоторых сосудах из Хапров (раскопки 2003 г.). Здесь таким способом обрабатывалась лишь внутренняя поверхность сосудов. По наблюдениям авторов раскопок, такая керамика сравнительно ранняя, большей частью она происходит из слоя, предшествовавшего позднему жилищу. На красногвардейскую кухонную посуду намного реже наносились зерновидные и овальные вдавления, отсутствует орнамент косой сеткой или крестом. Почти нет горшков с уступами.

Итак, керамика двух групп кобяковской культуры демонстрирует существенное сходство типов посуды, приемов и мотивов орнаментации, которое не может быть объяснено ничем иным, кроме как однокультурностью керамического комплекса. С другой стороны, некоторые особенности морфологии и декора демонстрируют локальные различия.

К сожалению, практически невозможно сравнить строительные комплексы. Если на Дону открыты остатки трех наземных и 19 углубленных кобяковских построек, то в Закубанье известны остатки одного плохо сохранившегося строения, интерпретированного как жилищно-хозяйственный наземный комплекс (Шарафутдинова 1989: 47–48).

Таким образом, опираясь в основном на морфологическое, технологическое и сходство керамики, а также приемы, методы и мотивы ее орнаментации, можно, вслед за Э. С. Шарафутдиновой, рассматривать поселения Закубанья (Красногвардейское I и Красногвардейское II) и памятники Нижнего Дона кобяковского типа как принадлежащие одной культуре — кобяковской. Некоторые особенности этих территориальных групп кобяковской культуры позволяют рассматривать их в качестве ее локальных вариантов.

*
**

Уже упоминалось, что Э. С. Шарафутдинова видела истоки кобяковских памятников в Закубанье, и открытие поселений у с. Красногвардейское послужило тому доказательством. Действительно, очевидна чужеродность кобяковских насельников предшествующему и современному им автохтонному населению, прослеживаемая в керамическом комплексе (наличие морфологически и типологически отличной от кухонной столовой и тарно-столовой посуды, ее пышной своеобразной орнаментации, выполненной в прочерченной технике, оттисками веревочки или, изредка, зубчатым штампом), находками на поселениях оригинальных рыболовных грузил с двумя перетяжками (Шарафутдинова 1980: 48–53, 57–59, 66–68, табл. XVI–XXVIII; XXXVI–XXXVII), в погребальной обрядности (Ларенок В., Потапов 2001: 24–25) и т. д.

Вместе с тем в культуре нижнедонских кобяковцев прослеживаются, иногда отчетливо, иногда не явно, черты северокавказских культур. Так, определенные соответствия в кобанской культуре западного и центрального варианта находят кубки, кубковидные сосуды (Козенкова 1998: табл. XXXVII: 19; XXXVIII: 7), чаши (Козенкова 1998: табл. XXXV: 8; XXXVI; XXXVII: 1–13, 17–18), миски (Козенкова 1998:

табл. XXXV: 3, 14; XXXVII: 14; XXXIX: 11), «бомбовидные»⁴ сосуды (Козенкова 1998: табл. XXXII: 1–3, 7–9). Отмечая в качестве самых ярких признаков кобяковской культуры оригинальную орнаментацию ее столовой посуды, Э. С. Шарафутдинова указывала, что на некоторых северокавказских сосудах присутствуют типично кобяковские мотивы орнаментации (Шарафутдинова 1980: 66–67). Замечу, что помимо случаев, отмеченных Э. С. Шарафутдиновой, орнаментальные мотивы и композиции на кобанской посуде сравнительно редко совпадают с кобяковскими, и в кобанской технике орнаментации полностью отсутствует кобяковская «визитная карточка» — оттиски веревочки. Совпадения в стиле и мотивах с северокавказской культурой (Шарафутдинова 1980: 68–69) трудно принять как аргумент, не имея четкой схемы преемственности от северокавказской культуры эпохи средней бронзы до финальнобронзовой кобяковской культуры.

На связь с Северным Кавказом указывают отдельные костяные и металлические находки. Это костяной черешковый наконечник стрелы из Кобяково (Шарафутдинова 1980: 55, 69, табл. XXXIII: 2), находящий себе аналогии в памятниках финальной бронзы — раннего железа Северо-Восточного Кавказа (Марковин 2002: 121, рис. 15: 1–3; 24: 1–6, 8–9; 42: 1; Козенкова 2001: 54–55, рис. 90: 12, 15–17), и обломок серпа из Кобяково (Шарафутдинова 1980: 62, табл. XXXIII: 10), характерного для прикубанского очага металлургии и металлообработки (Пелих 2008: 765–766).

Несколько северокавказских предметов найдено на дне жилища 1 Хапровского поселения. Овальная слабовыпуклая бляшка с двумя отверстиями (Ларенок, Потапов 2004: 144, рис. 2: 5) (рис. 3: 4) типологически близка серии кобанских блях II типа (Козенкова 1982: 54, табл. XXXII: 11; Козенкова 1998: 61–62, табл. XX: 5–6) первой половины I тысячелетия до н. э. (Козенкова 1998: 62) и, особенно, изделию из погребения 35 Сержень-Юрта второй половины X в. до н. э. (Козенкова 2002: 24–25, 133, табл. 21: 19). Пронизь, свернутая из рифленого листа (Ларенок П., Потапов 2004: 144, рис. 2: 6) (рис. 3: 6), находит аналогии среди материалов западного варианта кобанской культуры X — первой половины VII в. до н. э. (Козенкова 1998: 39, табл. XI: 3). Две длинные и массивные спиральные пронизи из узкой полоски бронзы происходят из погребения 156 (2000 г.) (Ларенок В., Потапов 2001: 24, рис. 4: 5). Такие пронизи хорошо представлены в кобанской культуре (Уварова 1900: табл. XXVI: 7; XXX: 6; XXXIV: 10; Крупнов 1960: 219, 225, табл. V: 9; XXXVIII: 1, 9; Техов 1980: 21–22, 27–28, 37, табл. 49: 2; 50: 5; 51: II, 14; 68: 18–23; 94: III, 34–38; Козенкова 1982: рис. 6: 13; 7: 9, 1989: табл. XXXVIII: A, 14, 1996: 15, рис. 3: 9, 1998: 76, табл. XXVI: 3–4), где они появляются, судя по находке в гробнице 2

⁴ В отдельный тип «бомбовидные» сосуды выделил А. А. Миллер (Миллер 1926: 132–133). Э. С. Шарафутдинова сочла возможным добавить такие сосуды к кувшинам и кубкам (Шарафутдинова 1980: 45, 48, табл. XVI: 6, XVIII: 11, 14, 17; XIX; XXII: 3, 5, 7; XXIX: 1; XXX: 2). Находки большого количества фрагментов и реконструируемых «бомбовидных» сосудов в ходе раскопок 2003 г. на Нижнегниловском и на Хапрах подтверждают мнение А. А. Миллера, что данная форма является отдельным типом. Эти крупные сосуды с плоским дном, раздутым округлым туловом и цилиндрическим горлом, существенно отличающиеся от кубков и кувшинов, образуют категорию тарно-столовой посуды (Ларенок П., Потапов 2004: 143, рис. 2: 2; Потапов 2010: 19).

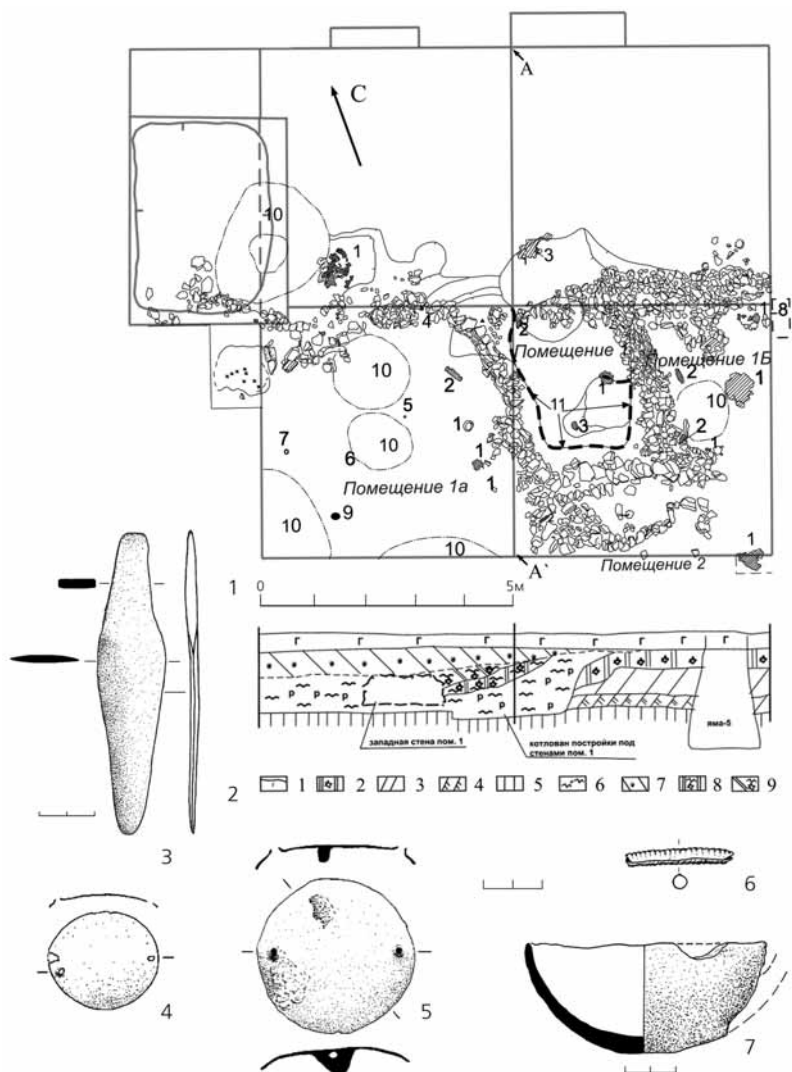

Рис. 3. Поселение Хапры, материалы раскопок 2003 г.: 1 — план жилищ 1 и 2 (1 — развалы сосудов, 2 — каменные грузила, 3 — череп человека, 4 — кубок, 5 — бляшка с петелькой, 6 — нашивная бляшка, 7 — черпак, 8 — бронзовый нож, 9 — фрагмент литейной чаши, 10 — ямы первых веков н. э., 11 — границы котлована жилища 2); 2 — разрезы (1 — пахотный слой, 2 — супесь с тырсой (вал), 3 — серо-коричневая супесь (кобяковский слой), 4 — серо-коричневая супесь (погребенная почва), 5 — материк, 6 — темная золистая супесь, насыщенная костями рыб (заполнение котлована), 7 — серо-коричневая золистая супесь, насыщенная обмазкой (слой первых вв. н. э.), 8 — светло-коричневая золистая супесь с включениями тырсы (смыв в котлован с вала), 9 — серая золистая супесь (смыв в котлован)); 3 — нож; 4 — нашивная бляшка; 5 — бляшка-пуговица; 6 — пронизь; 7 — черпак (3–6 — бронза, 7 — керамика).

Fig. 3. Hapry settlement, materials from 2003 excavations: 1 — plans of dwellings 1 and 2 (1 — fragments of a vessel, 2 — stone plummets, 3 — human skull, 4 — goblet; 5–6 — sewn-on plaques; 7 — scoop, 8 — bronze knife, 9 — fragment of a moulding bowl, 10 — pits (I–III cc. AD), 11 — borders of foundation pit of a house); 2 — stratigraphic profile; 3 — knife, 4–5 — sewn-on plaques, 6 — pendant, 7 — scoop (3–6 — bronze, 7 — ceramic).

Терезе, в XII–X вв. до н. э. и, зачастую, являются принадлежностью головного погребального убора (Козенкова 2002: 49–52). На Центральном Кавказе, как и в погребении Кобяково-156, спиральные пронизи входили, наряду с бусами, в состав ожерелий (Техов 1977: 169). Конечно, находки на кобяковских памятниках кавказских металлических предметов, особенно в позднейших комплексах (жилище 1 на Хапровском поселении), скорее, свидетельствуют о направлении связей, чем о происхождении донских кобяковцев, но при определении территории их происхождения важно учитывать и направление традиционных контактов.

Таким образом, разнокомпонентная северокавказская составляющая в материалах нижнедонских кобяковских памятников, вкупе с наличием в Закубанье однокультурных памятников, подтверждает кавказские корни нижнедонских кобяковцев. С открытием поселений в с. Красногвардейское становится ясно, что в кобяковской среде Северо-Западного Кавказа присутствуют даже те элементы, которые ранее считались воздействием автохтонного степного населения Нижнего Дона, например, орнаментация посуды налепными валиками (Шарафутдинова 1980: 65, 1991а: 80, 82, рис 4: 2–3; 5: 1–2)⁵.

Все же мы не можем утверждать, что кобяковские памятники Дона оставлены представителями той же группы кобяковского населения, что оставила и памятники у с. Красногвардейское в Закубанье. Против этого свидетельствуют те кобанские черты, которые отсутствуют в Красногвардейской группе: «бомбовидные» сосуды центральнокавказского облика, наконечники стрел, некоторые бронзовые украшения. Возможно, донские кобяковцы первоначально жили восточнее или юго-восточнее красногвардейской группы, в непосредственной близости от носителей кобанской культуры.

*
* *

Каким же образом появляются на Нижнем Дону северокавказские мигранты? Было ли это расселение кобяковских племен или же переселение одной группы? «Или она (кобяковская культура. — В. П.) распространена в двух регионах — на Нижнем Дону и Кубани, или значительно шире: от дельты Дона до бассейна Кубани, включая и Восточное Приазовье <...>» (Шарафутдинова 1980: 76)? В Доно-Кубанском междуречье, на левобережье Дона в последние десятилетия велись активные раскопки и разведки памятников археологии в зонах хозяйственного строительства. Здесь были обнаружены два погребения эпохи финальной бронзы (Шарафутдинова 1991б: 187, рис. 2: 8–9; 3: 1–3): Пролетарский-1-6⁶, датированный ножом с параллельными лезвиями, и Батуринский I-9-10, горшок из которого сопоставим с некоторыми кобяковскими формами, сосудом из могильника Михайловский в Закубанье, кружковидный черпак из этого же погребения сравним с некоторыми сосудами белозерской

⁵ Орнаментация валиком глиняной посуды представлена на северокавказской посуде и за пределами Закубанья (Козенкова 1989: табл. XIII: 31, 33, 1998: 90–91, табл. XXXIII: 1, 9).

⁶ Здесь и далее после названия курганного могильника/группы арабскими цифрами указываются сначала номер кургана в могильнике, а затем номер погребения в кургане.

культуры (Шарафутдинова 1991б: 190) и находит себе аналогию на поселении Красногвардейское I (Шарафутдинова 1991а: рис. 4: 11). Эти погребения по ряду признаков относятся к отрадненской культуре (Потапов 2010: 17) и отличаются по параметрам погребального обряда от известных кобяковских (Ларенок В., Потапов 2001: 24–26).

Известны комплексы отрадненской культуры в донской левобережной приустьевой части — Высочино V-29-9 (Потапов 2005: рис. 4: 1–2), Мартышкина балка, кв. 16д, погребение 92 (Потапов 2005: рис. 3: 1–2), Красногоровка III-5-1 (Потапов 1999: 63, рис. 1: 9–10)⁷.

Серия отрадненских погребений известна и на левобережье Западного Маныча: Арпачин II-5-11 (Шарафутдинова 1991б: 184–185, рис. 1: 1–2), Крепинский I-18-9 (Потапов 2005: рис. 3: 7–9), четыре погребения из могильника Отрадный II (Потапов 2000а: 62–64, рис. 1: 1–6), Колдыри-14-10 (Шарафутдинова 1991б: 185, рис. 1: 5–6), Южный-3-1 (Калмыков, Потапов 2004: 107, рис. 2: 1–3), три погребения в могильнике Северный II (Шарафутдинова 1991б: 185–186, рис. 1: 3–4, 7–8; 2: 7; Потапов 2005: рис. 4: 12–13), Целинский III-3-2 (Потапов 2005: рис. 3: 4), а также поселения № 7 у х. Веселый (Гольмстен 1941: 204) и Смела IV (Потапов 2000а: 64–66, рис. 1: 2).

Итак, между нижнедонской и закубанской локальными группами существует огромная территориальная лакуна, не заполненная кобяковскими памятниками, но в которой присутствуют инокультурные поселения и погребения (рис. 1). Следовательно, эта культура не образует единого ареала, а ее локальные варианты представляют изоляты. Все это заставляет выбрать как наиболее вероятный вариант — переселения кобяковцев с Северного Кавказа на Нижний Дон, а не расселения их единым массивом. Памятники нижнедонского варианта представляют собой анклав этой культуры, локализованный в приустьевой части правого берега Дона. Расположение анклавов северокавказских культур на этом небольшом участке Подонья археологически фиксируется в различные эпохи. В качестве примера можно привести ливенцовскую культурную группу конца эпохи средней бронзы (Братченко 2006: 226–230), меотские городища первых веков н. э. (Каменецкий 1989: 225–226, 239–242, карты 16; 22–23) и т. д. Однозначного объяснения этому феномену пока нет.

*
**

Переселение группы кобяковцев на Дон маркируется временем появления здесь кобяковских поселений, но вопрос о нижней хронологической границе кобяковской культуры остается пока открытым. Э. С. Шарафутдинова, основываясь на разработках А. И. Тереножкина (Тереножкин 1965: 76–81), первоначально датировала кобяковскую культуру X — началом VIII в. до н. э. (Шарафутдинова 1980: 69–70). Позднее, синхронизируя поселения Красногвардейское I и Красногвардейское II (нижний слой) с кобяковскими памятниками Дона, она

⁷ Здесь же было исследовано погребение Койсуг-5-10 (Коренько, Максименко 1978: 167, 170, рис. 4: 1–2), содержащее фрагмент кобяковского орнаментированного сосуда. Но погребальный обряд здесь иной, некобяковский, и поэтому культурная принадлежность комплекса остается под вопросом.

отнесла, их с учетом обновленной схемы А. И. Тереножкина (Тереножкин 1976: 187–208), к позднебелозерскому времени и датировала XI — рубежом X–IX вв. до н. э. (Шарафутдинова 1989: 59–60, 1991а: 90). Даты здесь основывались на сопоставлении кобяковских памятников с памятниками других культур конца поздней бронзы — раннего железного века.

Однако ранние строительные горизонты кобяковских поселений практически не содержат узко датирующих вещей. Многие предметы из кости или бронзы либо относятся к числу позднейших в рамках финального периода эпохи бронзы, либо сравнительно широко датируются. Это бронзовые двулезвийные ножи с параллельными лезвиями, кельты типа К-70/72 (по Е. Н. Черных), наконечник копья с прорезным пером, датируемые в целом XII–X вв. до н. э. Обломок серпа из Кобяково принадлежит либо II (дуговидно-коленчатому), либо III (коленчатому) типу серпов прикубанского очага металлургии и металлообработки (Пелих 2008: 765–766). Изделия этого очага делятся на две (Бочкарёв 1996: 96–97) или три (Пелих 2008: 765–766) асинхронных группы в пределах XV–X (середины IX, по А. Л. Пелиху) вв. до н. э. Серпы указанных типов в обеих схемах сквозные — появляются на раннем этапе и доживают до позднейшего.

Таким образом, соглашаясь с синхронизацией белозерской и кобяковской культур, отмечу, что нельзя исключать возможность удревнения нижней границы последней до начальных этапов периода финальной бронзы. С другой стороны, сам этот хронологический рубеж, в соответствии с новыми радиоуглеродными датами, полученными в результате новых раскопок кобяковских памятников, снижается до рубежа XV–XIV вв. до н. э.⁸ Такая датировка близка начальным радиоуглеродным датам ряда финальнобронзовых культур степи и лесостепи Евразии (Schneeweiß 2007: 237–245, 272–276, 279–281; Епимахов 2004: 94–95, табл. 4; Alekseev et al. 2001: № 1–11; László 2010: 122–125, tab. 1; 2; Klochko et al. 1998: 668–671, tab. 1; 2; и др.).

В финальный период поздней бронзы часть территории, населенной до этого племенами срубной КИО, оказалась занятой носителями других культур. Переселение части кобяковцев в низовья Дона было частью общего процесса, шедшего тогда в степном юге Восточной Европы, но со своими особенностями. Во-первых, он проходил в южной части региона, занятого ранее срубными племенами, в то время как основные миграции в этом ареале проходили на севере степной и в лесостепной зоне. Во-вторых, нижнедонской кобяковский изолят отличался и по характеру колонизации. На севере, в лесостепи и предстепье, бондарихинские, маклашеевские и чернолесские племена занимали и осваивали сравнительно обширные территории, поселяясь чересполосно и зачастую ассимилируя автохтонное население. Иногда проникновение в степь осуществлялось в виде инфильтрации небольших групп (Потапов 2002: 216). Характер кобяковской миграции несколько иной. Переселенцы с Северо-Западного Кавказа занимают узкую полосу правого берега Дона и его рукавов,

⁸ Доклад Леона ван Хоофа (Германский археологический институт/Сводный университет Берлина, г. Берлин): «Many settlements, but not sedentary? Settlement pattern and economy of the Srubnaya culture and its successors in the Don Delta area», прочитанный им на международной конференции в Берлине «Die kultur- und naturräumliche Entwicklung des Donadeltas» 8 декабря 2011 г.

проникая иногда в дельту Дона, основав здесь несколько поселков, отделенных от родины сотнями километров. Кобяковцы не расширяют свою территорию, а переселяются на чужую, но достаточно большой, самодостаточной в экономическом и, возможно, в политическом отношении, группой.

Причиной исчезновения и трансформации срубной КИО на ее позднейшем этапе в постсрубные образования (в отрадненскую культуру на Дону и в степном Предкавказье) стал вызванный аридизацией кризис скотоводческого хозяйства, повлекший за собой демографический кризис. Запустение степи и вызвало приток населения, ориентированного на другие виды хозяйства. Вместе с тем, несмотря на резкое уменьшение плотности населения, район левобережной части бассейна нижнего Дона и бассейна Калауса оказался в этот период наиболее населенным на всем постсрубном пространстве — отсюда происходит пять десятков погребений. В то же время на правобережье Дона их найдено семь, на территории восточной Украины — пятнадцать, в Нижнем Поволжье — пять. Таким образом, кобяковцы поселились по соседству со сравнительно многочисленной для этого времени группой степняков. По-видимому, это и обусловило территориальную ограниченность анклава и компактное размещение в нем населения.

*
**

По мнению Э. С. Шарафутдиновой, основу хозяйства кобяковцев составляли пастушеское придомное скотоводство и земледелие, при значительном удельном весе рыболовства и меньшем — охоты (Шарафутдинова 1980: 71–73). Примат скотоводства в хозяйстве нижнедонского автохтонного населения (Потапов 2010: 11) заставляет предположить конкуренцию его с пришлыми кобяковцами в том случае, если главной отраслью их хозяйства также было скотоводство. Но вряд ли бы переселение было возможным, если бы колонисты и аборигены претендовали на одну и ту же хозяйственную нишу. Очевидно, приоритет в хозяйстве населения кобяковской культуры принадлежал рыболовству. Об этом говорит огромное количество костей рыбы, достигающее на Кобяково 83,7 %, а на Нижнегниловской — 53,8 % (Таттар 1980: 82). Среди хапровской остеологической коллекции (2003 г.)⁹ доля костей рыбы — 47 %. Следует учитывать то, что кости рыбы худшей сохранности, чем кости млекопитающих, и взять для подсчета и определения удастся лишь какую-то часть от общего объема. Доминирование рыболовства в хозяйстве кобяковцев подтверждается огромным количеством грузил (Шарафутдинова 1980: 55–56). Среди домашних животных на Кобяково преобладают (в порядке убывания) — крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, лошадь, собака и свинья (Таттар 1980: 82, табл. 1).

Близкую картину дают фаунистические остатки Нижнегниловского поселения, однако здесь собака по количеству костей расположена на третьем месте, оттеснив на четвертое лошадь (Таттар 1980: 83, табл. 3). Раскопки 2003 г. на Хапрах, откуда происходит относительно поздний материал, показали наличие

⁹ Палеозоологические определения осуществлены кандидатом биологических наук Ю. Я. Мягковой.

тех же видов домашних животных, однако в несколько ином соотношении¹⁰: доминируют кости собаки (12,2/36,7 %) ¹¹, несколько меньше костей мелкого рогатого скота (10,4/31,4 %), затем идут кости крупного рогатого скота (7,6/22,7 %) и лошади (2,5/7,5 %). Кости свиньи единичны (0,6/1,7 %).

Остеологический материал поселений отображает животноводческий уклад опосредованно, представляя собой отходы лишь одного из продуктов животноводства — мясного. Вместе с тем, имеется также сравнительно мало артефактов, свидетельствующих о переработке других продуктов животноводства. В первую очередь обращает на себя внимание малое количество орудий для обработки шкур. Срубные и постсрубные поселения Дона и Приазовья, животноводческая направленность которых несомненна, насыщены костяными орудиями, связанными с кожевенным производством и, особенно, с первичной обработкой шкур: стругами, тупиками, коньками и т. д. (Усачук 1994: 63–69, 1996: 21–27; Панковский, Усачук 1996: 33–37; Горбов, Усачук 2000: 97–100; Потапов 2002: 86), а в материалах кобяковских поселений Нижнего Дона их едва ли наберется десяток (см. Шарафутдинова 1980: табл. 2). Вероятно, роль скотоводства в хозяйстве кобяковцев представлялась преувеличенной. По-видимому, жители кобяковских поселков удовлетворяли свою потребность в продуктах животноводства не только за счет собственных стад, но и за счет обмена с соседними скотоводческими обществами. Дефицит орудий по первичной обработке кож можно объяснять именно этим обстоятельством — часть шкур могла поступать уже обработанными или в виде готовых изделий.

Предположение о получении части продуктов животноводства извне позволяет в какой-то степени объяснить необычно высокую для кобяковцев долю костей мелкого рогатого скота в остеологических материалах позднейшего участка Хапровского поселения (2003 г.). В это время часть населения европейской степи уже переходит к кочевому укладу (Махортых, Иевлев 1991: 21; Бунятян 2001: 68–69), а доминирование овцы, приспособленной к дальним перекочевкам, характеризует именно стадо кочевников. В ситуации, когда потребности кобяковского населения в животной пище обеспечивались не только за счет собственных домашних животных, но и за счет поступлений извне, поголовье скота не могло быть значительным. Это позволяло практиковать стойлово-выгонное содержание животных, а отгонное скотоводство могло существовать в ограниченных масштабах для некоторых видов скота. Часть стад некоторое время могли круглосуточно содержать на пойменных пастбищах, находившихся в непосредственной близости от некоторых поселений. Выгон на эти пастбища затруднен тем, что большая часть их отделена от поселков донскими протоками Мертвый Донец и Аксай, и, возможно, находки небольшого количества кобяковской керамики из отдельных раскопов на Елизаветовском городище как раз свидетельствует о существовании здесь в древности пастушеских стоянок кобяковцев.

¹⁰ В подсчетах использовалось количество костей, а не особей.

¹¹ В числителе указан процент костей от общего числа млекопитающих, включая тех, видовой принадлежности которых не устанавливается (67,5 %), а в знаменателе — процент от общего числа определяемых костей.

*
* *

Итак, носители кобьяковской культуры занимали на Дону особую хозяйственно-экологическую нишу и не претендовали на одно из главных богатств степи — пастбища. Переселившись с Кавказа, они переняли некоторые местные приемы ведения хозяйства и черты бытового уклада, наладили контакты с соседями. Причем это были контакты сравнительно узкого географического диапазона — кобьяковское влияние ограничивается Донской дельтой и ее ближайшей округой. Эти связи лежали, очевидно, в плоскости экономики и имели форму обмена.

С другой стороны, по наблюдению Э. С. Шарафутдиновой, на Нижнем Дону кавказские мигранты селились в естественно укрепленных местах (Шарафутдинова 1980: 8–9), что «обусловлено определенной исторической обстановкой, связанной с опасностью нападения извне» (Шарафутдинова 1980: 9). По-видимому, первоначально переселенцы, обосновываясь в иноэтничном окружении и выбирая места, удобные для обороны, были все же ориентированы на бесконфликтное, мирное сосуществование с соседями. Но, судя по материалам раскопа 2003 г. на Хапровском поселении, ситуация со временем осложнилась.

На поселении Хапры были выявлены остатки оборонительного вала, защищавшего поселение с северной, напольной стороны (Ларенок П., Потапов 2004: 141). Конструкция вала зафиксирована в северном борту раскопа и фрагментарно — в разрезах его западного и восточного бортов. Вал прорезают хозяйственные ямы первых веков н. э., верх его уничтожен распашкой. Верх вала сформирован супесью с тырсой, низ — плодородным гумусным слоем и светло-коричневой материковой супесью, уложенными на более ранний кобьяковский слой. По внутреннему скату вала наклонно залегают золистая супесь, насыщенная фрагментами кобьяковской посуды, обломками костей животных и множества костей рыб (рис. 3: 1–2). Очевидно, ров, окружавший вал с напольной стороны поселения, выбирался до материкового песка или же до скальных выходов ракушечника и известняка. То, что вал перекрывает слой кобьяковской культуры, и такой же слой фиксируется поверх склона вала, свидетельствует о возникновении угрозы поселку не изначально, а в ходе его существования.

На этом же раскопе исследована значительная часть четырехкамерного жилища (постройка 1), которое перекрыло котлован более ранней углубленной постройки (рис. 3: 1–2). Разрез напластований отражает процесс разрушения каменных стен и заполнения постройки 1 грунтом с насыпи вала и смывом культурного слоя с южного ската вала. Позднее жилище почти полностью перекрывает котлован ранней постройки, заполненный золистой, насыщенной костями рыб и чешуей супесью мощностью 0,20–0,25 м. Котлован поздней постройки впущен в золистый слой. Первоначально в эту постройку оплыла часть золистого культурного слоя той же структуры, цветности, что и засыпь котлована ранней постройки. По склону этого первоначального смыва в дальнейшем образовались линза золистой серо-коричневой супеси с включениями тырсы, мелкого камня и перекрывающая ее линза серой золистой супеси с вклю-

чениями мелкого камня (рис. 3: 2). Таким образом, заполнение постройки представляло собой затек более ранних, чем описываемое строение, слоя и насыпи вала кобяковского времени. Есть все основания говорить, что после гибели этого жилища жизнь на поселении не возобновлялась до первых веков н. э. Жилище не было оставлено жителями, а погибло в огне, о чем свидетельствуют сажистые прослойки на полу жилища и под завалами стен коридора, обгоревшие камни стен. На дне жилища во всех помещениях найдены развалы сосудов. В помещении 1-а доминируют развалы крупных парадных «бомбовидных» сосудов, а в помещении 1-б найдено большое количество развалов крупных кухонно-тарных сосудов (рис. 2: 42–43). На дне найдены находившиеся в момент гибели помещения бронзовые нашивная бляшка и бляшка-пуговица, двулезвийный нож и пронизь (рис. 3: 1, 3–6).

Сопоставив факты (возведение фортификационных сооружений во время функционирования поселка, гибель в огне позднейшего жилища и, наконец, прекращение существования поселка), можно заключить, что поселение кобяковской культуры Хапры погибло в результате военного столкновения. Если учесть информацию о гибели в огне позднейшего на Кобяковском поселении жилища 1 (Шарафутдинова 1980: 30–31, рис. 7: 14), то военные действия становятся вполне вероятной причиной исчезновения всего кобяковского анклава на Нижнем Дону.

В специальной работе автором уже рассматривался хронологический аспект этого события (Потапов 2011: 34–38), поэтому, не останавливаясь на нем подробно, напомним лишь аргументацию и выводы. Было подвергнуто сомнению распространенное мнение о том, что кобяковская культура продолжает существовать в начале раннего железного века. Во-первых, были рассмотрены те артефакты, которые, по мнению различных авторов, указывали на датировку кобяковских комплексов позднейшим предскифским периодом. Выяснилось, что эти предметы датируются достаточно широко и имеют аналогии в том числе и в памятниках эпохи поздней бронзы. Во-вторых, было доказано, что находки, найденные на полу позднейшего жилища на Хапрах, могли сосуществовать только в рамках финального периода эпохи бронзы, когда и прекратилось функционирование постройки. Представленные аргументы позволили заключить, что «при отсутствии убедительных доказательств существования кобяковской культуры в начале раннего железного века, <...> очевидно, что такая дата маркирует прекращение существования всей этой культуры» (Потапов 2011: 36).

*
**

Э. С. Шарафутдинова связывала исчезновение кобяковских поселений на Нижнем Дону с внешней причиной — движением «киммерийских» племен, отмечая, что «факты неожиданной их гибели пока отсутствуют» (Шарафутдинова 1980: 70). Даты для поселения Хапры (см. выше) укладываются в рамки середины XIII — XI в. до н. э. Представляется, что финал существования этого поселения и всей культуры находится ближе к верхнему рубежу этого промежутка, но не выходит за границу финального периода эпохи бронзы.

Интересно, что признаки возникновения военной угрозы, направленной против оседлого населения в финальный период эпохи бронзы, отмечаются

не только на Нижнем Дону, но и несколько севернее и северо-западнее. Одним из объектов агрессии, по-видимому, становится бондарихинская культура, занимавшая в это время лесостепную часть Подонья, бассейн левого Днепро-вского притока — р. Орель, лесостепную и север степной части бассейна Северского Донца. К концу рассматриваемого периода бондарихинские памятники исчезают в Подонье (Медведев 1999: 18–19) и в украинском Предстепье (Ромашко 1995: 66–67). На заключительном этапе существования бондарихинской культуры в Подонцовье появляются укрепленные поселки. На некоторых из них исследователи отмечают следы гибели в пожарах (Буйнов 1981: 17). В Левобережной Днепро-вской лесостепи, в Приорелье, исследовались синкретические чернолесско-бондарихинские поселения, погибшие в результате военного нападения (Ромашко 1995: 79–80), а в Правобережной Днепро-вской лесостепи возникают укрепленные поселки чернолесской культуры.

Аналізу фортифікації і історического контекста виникнення цих пам'яток присвячено дослідження ряду авторів (Дараган і др. 2010: 91 сл.). Для нас важливі наступні спостереження. 1. В ряду випадків встановлено, що фортифікаційні споруди були зведені не при основанні поселків, а, як і на Хапrowsькому поселенні, в ході їх функціонування (Дараган і др. 2010: 117). 2. Час, коли відзначаються факти агресії на чорнолесських пам'ятниках Подніпров'я і на правому березі починають будуватися оборонні споруди, — це фінальний період епохи бронзи (Дараган і др. 2010: 114, 118–120). 3. Стороною-агресором в цих подіях, по думці ряду авторів, стають носії білозерської культури (Дараган і др. 2010: 120–121). Причини, час і характер цих подій визначаються наступним чином: «Дальніше соціальне розвиток білозерського суспільства і новий імпульс (з заходу. — В. П.) сприяли посиленню в XI в. до н. е. військової активності населення, особливо на границях традиційних територій проживання. В результаті цього окремі військові походи могли здійснюватися як в північному і східному напрямках — в лесостепь <...>, так і в південному напрямку — влітку до Північного Кавказу <...>» (Кашуба 2011: 66). Чи могла активність білозерського населення стати загрозою не тільки для чорнолесського населення Правобереж'я Дніпра, але і для носіїв бондарихинської і коб'яківської культур Подніпров'я і Дона? Дозволяючи це, відзначаю, що достатньо далекі походи з степного Подніпров'я в Доно/Подніпров'я або в район Донської дельти не сопоставимі по складності і ризику з набегом на поселення в басейні р. Тясмин, і ще менш ймовірною здається військова активність білозерців на Північному Кавказі. В. І. Козенкова, підкреслюючи мирний характер взаємодії степного населення і кобанців Предкавказ'я, відзначає в цей період «<...> расцвет *неукрепленных* (курсив мій. — В. П.) передгірних поселень (Сержень-Юрт, Змейська, Бамут)» (Козенкова 2006: 143).

Що ж стало причиною загибелі Хапrowsького поселення і, по-видимому, всієї коб'яківської культури до того часу, з яким зв'язують появу перших воїнських кочових народів європейської степі?

Дійсно, фінальний період епохи бронзи є своєрідним мостом між двома епохами — пізньої бронзи (коли в Подон'ї домінує срубна КІО) і раннього залізного віку. Господарський уклад срубної КІО характеризується переважанням скотарства в отгонній або придом-

ной формах (Бунятян 2000: 40–41; Потапов 2000б: 115–117, 2002: 70–94). В целом, срубное скотоводческое хозяйство не требовало постоянного или длительного передвижения всего или большей части населения. Резкая аридизация климата в степях Восточной Европы в конце II тыс. до н. э.¹² послужила толчком к переходу к номадному скотоводству (Герасименко 1997: 33–35, 54–56, 60; Герасименко, Горбов 1996: 48–49; Герасименко, Гершкович 1996: 71–72). Этот переход был подготовлен изменением хозяйства, выразившимся в трансформации видового состава стада в сторону увеличения его мобильности, в развитии отгонных форм скотоводства и широком использовании лошади в качестве верхового животного. Несомненно, эти изменения, подстегиваемые нарастающей аридизацией, продолжались и активно нарастали на заключительном этапе эпохи поздней бронзы. На его протяжении большая часть населения переходит уже к кочеванию, к концу его практически исчезает оседлый быт. Об этом свидетельствует уменьшение количества поселений автохтонного населения и, в итоге, их полное исчезновение. С другой стороны, на смену крупным могильникам приходят редкие разрозненные погребения местного степного населения. В целом экономику степного региона в финальный период эпохи бронзы можно охарактеризовать как кризисную и переходную. Этому соответствуют резкое и значительное снижение численности населения, сосуществование различных форм ведения хозяйства, инфильтрация в степь инородного населения.

Однако на протяжении всего периода ситуация на постсрубном пространстве не остается неизменной. Население адаптируется к засушливым условиям, полностью переходя к номадизму. Очевидно, трансформируются социальная и военная структуры. Можно допустить, что стабилизационно-адаптационные процессы не везде проходили равномерно. В степях Восточной Европы в конце эпохи поздней бронзы наиболее населенным, за исключением ареала белозерской культуры, судя по погребальным памятникам, был район левобережной части бассейна Нижнего Дона и бассейн Калауса. Именно здесь из массы погребений конца эпохи поздней бронзы — начала раннего железного века выделяются комплексы, не просто находящиеся наиболее близко к рубежу этих эпох, но и сочетающие в себе признаки сменяющих друг друга культур, носящие ярко выраженный переходный характер. Это подтверждает предположение о формировании основы черноморской культуры в степях Подонья и Предкавказья (Калмыков, Потапов 2004: 103–108; Потапов 2010: 17–18, 2011: 36–37). В течение финального периода эпохи бронзы происходили не только изменение климатических условий и переход на новую систему скотоводства, но и, очевидно, достаточно болезненная ломка экономики, быта и культуры степного населения.

Вместе с тем в процессе становления новой хозяйственной, социальной и военных систем, характеризующих уже ранних номадов, возникают кочевые

¹² Подтверждение резкого характера аридизации имеется в коллективной монографии почвоведов, где отмечено, что после увлажнения климата и смещения природных зон к югу на территории сухих степей Среднерусской возвышенности в хроноинтервале 3800–3300 л. н., вновь наступает засушливый период (конец II — первая четверть I тыс. до н. э.), обусловивший сдвиг к северо-западу природных зон (Демкин и др. 2010: 28).

общества или союзы таких обществ, которые в качестве одного из средств стабилизации хозяйства рассматривают отчуждение силой пастбищ, скота, продуктов и другого имущества. Иными словами, в одном из очагов зарождения номадизма зарождается и характеризующая ранних кочевников и кочевников Средневековья направленная вовне агрессивность. Жертвой этой агрессивности, в первую очередь, становятся жители кобяковских поселков.

Представляется вполне вероятным, что необходимость сооружения оборонительных сооружений на бондарихинских и чернолесских поселках была обусловлена той угрозой, которую представляли «предчерногородские» номады, совершавшие набеги из степей Подонья и Предкавказья. В некоторых случаях (Суботово, Баба, Госпитальный Холм, Большая Андрусовка и др.) это привело к гибели поселений. Конечно, вполне возможно, что в их уничтожении виновны носители белозерской культуры, в среде которых выделяется, судя по богатым подкурганным погребениям, воинская элита, и, возможно, также возникает кочевой (полукочевой) уклад. Но в пользу гипотезы доно-предкавказского источника агрессии, на мой взгляд, свидетельствует то обстоятельство, что классический погребальный обряд черногородской культуры, распространенный в раннем железном веке по всей степи от Урала до низовий Дуная, появляется на основе погребального обряда (I обрядовая группа) предчерногородской отрадненской культуры степей Дона и Предкавказья (Потапов 2010: 17–18), а не на основе белозерского или какого-либо иного обряда. Вполне логично, что распространение и внедрение погребальной обрядности как части культовой практики шло вместе с расширением зоны обитания и/или влияния носителей этой практики.

Впрочем, пока мы можем уверенно констатировать лишь следующее: в восточноевропейской степи происходят существенные изменения, обусловленные как климатическими изменениями, так и трансформацией скотоводческого хозяйства. Эти изменения инициируют, в свою очередь, различного рода социальные и имущественные модификации в самих обществах, повлекшие за собой нестабильную военно-политическую обстановку. Это выразилось в набегах или захватнических походах против оседлого, инокультурного и, очевидно, иноэтничного, населения как в самой степи (кобяковская культура), так и на границе степи и лесостепи (бондарихинская и чернолесская культура, Балта). Выявление конкретного источника этой агрессии может пока рассматриваться только в виде гипотез, две из которых обозначены в настоящей работе. Логичной также представляется и компромиссная гипотеза о бинарном источнике такой угрозы: отрадненской — для Подонья и Подонцовья и белозерской — для Поднепровья.

*
* *

Завершая настоящий очерк, хочется отметить, что роль нижнедонского варианта кобяковской культуры для изучения истории степного Подонья весьма примечательна. Резко отличаясь по керамике и другим изделиям, погребальному обряду и способу ведения хозяйства от автохтонного окружения, кобяковское население оставило здесь яркую, не имеющую местных корней культуру, которая является прекрасным индикатором тех изменений, кото-

рые происходили в степи в самом конце бронзового века. В этом отношении значение анклава намного превышает ту роль, которую жители кобяковских поселков сыграли в истории региона, и то воздействие, которое они оказали на соседей и на культуру более позднего кочевого населения, следы которого единичны — характерные кобяковские грузила на постсрубном поселении Малаховский Ерик IV (Прокофьев, Потапов 2000: 50, 52, рис. 3: 9–12), некоторые сосуды в предскифских погребениях (Гордин, Потапов, 1991: 38, рис. 9: 9–10) и др. В целом же, население нескольких поселений, ограниченное территориально и численно, и не могло оставить сколько-нибудь заметный след, тем более что исчезновение этих поселений не только совпало, но и было вызвано коренным изменением природно-климатической, хозяйственной и военно-политической обстановки в восточно-европейской степи.

Литература

- Анфимов Н. В., Шарафутдинова Э. С. 1982. Поселение Красногвардейское I на Кубани — новый памятник кобяковской культуры // СА 3, 39–48.
- Бочкарёв В. С. 1996. Новые данные о Прикубанском очаге металлургии и металлообработки эпохи поздней бронзы // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. СПб.: ГЭ, 96–97.
- Братченко С. Н. 2006. Ливенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века. Луганск: СНУ им. В. Даля, 32–310.
- Буйнов Ю. В. 1981. Бондарихинская культура: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Бунятян Е. П. 2000. Об уровне развития степных обществ Украины поздней бронзы // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи поздней бронзы евразийской степи и лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 39–42.
- Бунятян Е. П. 2001. Хозяйственные трансформации в эпоху финальной бронзы // Моргунова Н. Л. (ред.). XV Уральское археологическое совещание. Оренбург: Оренбургская губерния, 68–69.
- Гольмстен В. В. 1941. Река Маныч // Гольмстен В. В. (ред.). Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 201–204.
- Герасименко Н. П. 1996. К палеоэкологии бассейна Северского Донца и Северо-Восточного Приазовья в эпоху поздней бронзы // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи 2. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 70–72.
- Герасименко Н. П., Гершкович Я. П. 1997. Природная среда обитания человека на Юго-Востоке Украины в позднеледниковье и голоцене (по материалам палеогеографического изучения археологических памятников) // АА 6, 3–64.
- Герасименко Н. П., Горбов В. Н. 1996. Хроностратиграфия и палеоэкология эпохи бронзы Северо-Восточного Приазовья // Горбов В. Н. (ред.). Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век). Материалы конференции. Часть 2. Донецк: Изд-во Донецкого ун-та, 47–49.
- Горбов В. Н., Усачук А. Н. 2000. Специализированный производственный комплекс на поселении бронзового века Безыменное II // Крыжицкий С. Д. (ред.). Археология и древняя архитектура левобережной Украины и смежных территорий. Донецк: Східний видавничий дім, 97–100.

- Гордин И. А., Потапов В. В.* 1991. Предскифские захоронения у с. Пешково // ИАИАИАНД 18, 36–42.
- Городцов В. А.* 1940. Археологические изыскания на Дону и Кубани в 1930 году // Памятники древности на Дону. Ростов н/Д.: Ростведиздат, 3–6.
- Дараган М., Кашуба М., Разумов С.* 2010. Геоинформационный анализ чернолесской фортификации (X–IX вв. до н. э., Правобережье Среднего Днепра): поиск объяснительной модели // RA V/2, 89–126.
- Демкин В. А., Борисов А. В., Демкина Т. С., Хомутова Т. Э., Золотарева Б. Н., Каширская Н. Н., Удальцов С. Н., Ельцов М. В.* 2010. Волго-Донские степи в древности и средневековье (по материалам почвенно-археологических исследований). Пушкино: SYNCHROBOOK.
- Епимахов А. В.* 2004. Периодизация памятников эпохи бронзы Урала в свете радиоуглеродных датировок // Скрипкин А. С. (ред.). Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Тезисы докладов. Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та, 90–95.
- Иессен А. А.* 1947. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л.: ГЭ.
- Калмыков А. А., Потапов В. В.* 2004. Погребение из могильника Золоторевка I и некоторые вопросы генезиса черноморской культуры // Старожитності степового Причорномор'я і Крима XI, 103–109.
- Каменецкий И. С.* 1989. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н. э. — III в. н. э. // Мелюкова А. И. (ред.). Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 224–251.
- Кашуба М. Т.* 2011. Ранняя фибула из поселения кобанской культуры Змейское и северопонтийские смычковые фибулы XI–X вв. до н. э. // Мамаев Х. М. (ред.). Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный; М.: ИА РАН; Институт гуманитарных исследований АН ЧР, 64–81.
- Книпович Т. Н.* 1934а. Опыт характеристики городища у станицы Елизаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 году // ИГАИМК 104, 90–110.
- Книпович Т. Н.* 1934б. К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаиса в VII–V вв до н. э. // ИГАИМК 104, 111–197.
- Козенкова В. И.* 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры (восточный вариант). М.: Наука (САИ В2-5. Т. 2).
- Козенкова В. И.* 1989б. Кобанская культура. Западный вариант. М.: Наука (САИ В2-5. Т. 3).
- Козенкова В. И.* 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. М.: Наука (САИ В2-5).
- Козенкова В. И.* 1996. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: ИА РАН.
- Козенкова В. И.* 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М.: Наука (САИ В2-5).
- Козенкова В. И.* 2001. Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ) М.: Наука.
- Козенкова В. И.* 2002. У истоков горского менталитета (могильник эпохи поздней бронзы — раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня). М.: Памятники исторической мысли.
- Копылов В. П.* 2004. Завершение разведочных работ на Нижнегниловском городище // ИАИАИАНД 20, 114–119.
- Коренько В. А., Максименко В. Е.* 1978. Погребения раннего железного века в бассейне Нижнего Дона // СА 3, 167–182.

- Кривцова-Гракова О. А.* 1955. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М.: Изд-во АН СССР.
- Крупнов Е. И.* 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.: АН СССР.
- Ларенок В. А., Потапов В. В.* 2001. Древнейший некрополь Кобякова городища // Шаповалов В. А. (ред.). Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Ставрополь: Изд-во Ставропольского ун-та, 24–26.
- Ларенок П. А., Потапов В. В.* 2004. Новые материалы кобьяковской культуры на поселении Хапры // Скрипкин А. С. (ред.). Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та, 141–146.
- Лесков А. М.* 1975. Заключительный этап бронзового века на Юге Украины: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Махортых С. В., Иевлев М. М.* 1991. О путях и времени формирования раннекочевнических образований на юге европейской части СССР в позднейший предскифский период // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.: Московский археологический информационный центр, 18–30.
- Медведев А. П.* 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. М.: Наука.
- Миллер А. А.* 1926. Краткий отчет о работах Северокавказской экспедиции Государственной Академии Истории Материальной культуры в 1924 и 1923 годах // СГАИМК I, 71–142.
- Миллер А. А.* 1929. Археологические работы Северокавказской экспедиции Государственной Академии Истории Материальной культуры в 1926 и 1927 гг. // СГАИМК II, 60–122.
- Панковский В. Б., Усачук А. Н.* 1996. Костяные «коньки» поселения Безыменное II // Горбов В. Н. (ред.). Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век). Ч. 2. Донецк: Изд-во Донецкого ун-та, 33–37.
- Пелих А. Л.* 2008. Еще раз о серпах кубанских типов позднебронзового времени // Крупновские чтения 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли, 765–766.
- Потапов В. В.* 2000а. Памятники конца эпохи поздней бронзы на р. Смела // ДА 3–4, 62–69.
- Потапов В. В.* 2000б. Поселения-летники срубного населения Восточного Приазовья // Максимов Е. К. и др. (ред.). Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов; Энгельс: 115–117.
- Потапов В. В.* 2002. Поселение эпохи поздней бронзы Вареновка III в восточном Приазовье // ИАИАИАНД 18, 70–94.
- Потапов В. В.* 2005. О культурной атрибуции памятников финала поздней бронзы Нижнего Подонья // ТГИМ 145, 138–150.
- Потапов В. В.* 2010. Памятники финальной бронзы Нижнего Подонья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Потапов В. В.* 2011. К вопросу о финальной дате кобьяковской культуры на Нижнем Дону // Алёшкин В. А., Бочкарёв В. С. (ред.). Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии. СПб.: ИИМК РАН; ГЭ, 34–38.
- Прокофьев Р. В., Потапов В. В.* 2000. Поселение Малаховский Ерик II в дельте // ДА 1, 45–55.
- Ромашко В. А.* 1995. Поздний бронзовый век в пограничье лесостепи и степи Левобережной Украины (XII — X вв. до н. э.). Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского ун-та.

- Таттар А. В. 1980. Фауна поселений кобяковской культуры. Приложение // Шарафутдинова Э. С. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура). Л.: Наука, 81–83 (САИ В1-11).
- Тереножкин А. И. 1965. Основы хронологии предскифского периода // СА 1, 63–85.
- Тереножкин А. И. 1976. Киммерийцы. Киев: Наукова думка.
- Техов Б. В. 1977. Центральный Кавказ в XVI–X до н. э. М.: Наука.
- Техов Б. В. 1980. Тлийский могильник I (комплексы XVI–X вв. до н. э.). Тбилиси: Мецниереба.
- Уварова П. С. 1900. Могильники Северного Кавказа. М.: типография Мамонтова.
- Шарафутдинова Э. С. 1971. Кобяковская культура эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Шарафутдинова Э. С. 1980. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура). Л.: Наука (САИ В1-11).
- Шарафутдинова Э. С. 1989. Двухслойное поселение Красногвардейское II памятник эпохи поздней бронзы — начала раннего железа на Кубани // Анфимов Н. В. (ред.). Меоты — предки адыгов. Майкоп, 46–73.
- Шарафутдинова Э. С. 1991а. Новые данные о памятниках эпохи поздней бронзы и начала раннего железа на Кубани // Масон В. М. (ред.). Древние культуры Прикубанья. Л.: Наука, 70–91.
- Шарафутдинова Э. С. 1991б. Памятники конца эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону и степном Прикубанье // СА 1, 184–196.
- Усачук А. Н. 1994. Костяные орудия кожевенного производства срубных поселений северо-восточного Приазовья // Малов Н. М. (ред.). Срубная культурно-историческая область. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 63–69.
- Усачук А. Н. 1996. Коллекция костяных изделий срубного поселения Безыменное II // Горбов В. Н. (ред.). Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век). Ч. 2. Донецк: Изд-во Донецкого ун-та, 21–27.
- Эрлих В. Р. 2007. Северо-Западный Кавказ в начале раннего железного века. Протомеотская группа памятников. М.: Наука.
- Alekseev A. Yu., Bokovenko N. A., Boltrik Yu., Chugunov K. A., Cook G., Dergachev V. A., Kovalyukh N., Possnert G., van der Plicht J., Scott E. M., Sementsov A., Skripkin V., Vasiliev S., Zaitseva G. 2001. A Chronology of the Scythian antiquities of Eurasia based on new archaeological and 14C data // Radiocarbon 43/2B, 1085–1107.
- Klochko V. I., Kovaliukh N. N., Skripkin V. V., Motzenbäcker I. 1998. The chronology of the Subotiv Settlement // Radiocarbon 40/2B, 667–673.
- László A. 2010. Zur Chronologie der späten Bronzezeit und der älteren Hallstattperiode im nord-östlichen Karpatenraum. Die radiocarbon-Datierung der Gava-Holihrady Siedlung von Siret (Bukovina) // Marta L. (red.). Satu Mare — Studii și comunicări. Satu Mare: Editura Muzeului Sătmărean, 121–132.
- Schneeweiß J. 2007. Die Siedlung Čiča in der westsibirischen Waldsteppe I. Untersuchungen zur spätbronze- bis frühesenzeitlichen Keramik, Chronologie und kulturellen Stellung. Mainz: Zabern.